

ОСЦИЛЛЯЦИЯ ИСКЛЮЧАЮЩИХ ДРУГ ДРУГА СМЫСЛОВЫХ ПОЗИЦИЙ В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ КНИГИ "КРУТОЙ МАРШРУТ" Е. ГИНЗБУРГ

OSCILLATION OF THE SEMANTIC POSITIONS EXCLUDING EACH OTHER IN STRUCTURE OF THE NARRATION OF THE BOOK "STEEP ROUTE" E. GINZBURG

Wang Lin

Annotation

The article considers the narrative structure of the book of memoirs of Eugenia Ginzburg "Steep route" and selections oscillations of mutually exclusive semantic positions in it. The book of memoirs E.S. Ginzburg "Steep route" – the multi-component and multilayered work, and one of the ways of manifestation of these qualities of the text is oscillation – fluctuation in structure of the work between two semantic positions excluding each other. Considering oscillation, we leaned on Wolf Schmid's provisions and his analysis of the novel by F.M. Dostoyevsky in the article "Brothers Karamazov" – the author's anguish, or Roman about two ends".

Keywords: oscillation, semantic contradictions, bifurcation, "Steep Route", E.S. Ginzburg.

Ван Линь

Аспирант,

Санкт-Петербургский

государственный университет

Аннотация

В статье рассмотрена повествовательная структура книги воспоминаний Евгении Гинзбург "Крутой маршрут" и выделены элементы осцилляции исключающих друг друга смысловых позиций в ней. Книга воспоминаний Е.С. Гинзбург "Крутой маршрут" – многосоставное и многослойное произведение, и одним из способов проявления этих качеств текста является осцилляция – колебание в структуре произведения между двумя исключающими друг друга смысловыми позициями. Рассматривая осцилляцию, мы опирались на положения Вольфа Шмида и его анализ романа Ф.М. Достоевского в статье "Братья Карамазовы" – надрыв автора, или Роман о двух концах".

Ключевые слова:

Осцилляция, смысловые противоречия, раздвоение, "Крутой маршрут", Е.С. Гинзбург.

Книга воспоминаний Е.С. Гинзбург "Крутой маршрут" является чрезвычайно неоднозначным и сложным произведением, которое занимает особое место в ряду других текстов тюремно-лагерной прозы, созданных в русской литературе в 60–70-х годах прошлого века. Перед взором читателя проходят двадцать лет, относящихся не только к биографии Е.С. Гинзбург, но и к жизни всей страны. Автором создан пронзительный рассказ о собственных страданиях и встреченных ею на "крутом маршруте" людях.

В повествовательной структуре книги воспоминаний Е.С. Гинзбург "Крутой маршрут" наблюдается осцилляция – колебания между двумя исключающими друг друга смысловыми позициями. Такими позициями является в тексте отношение автора к коммунистической идеологии – либо приятие её, как мы видим это в начале произведения, либо отторжение, которое происходит постепенно и совершается в третьей части книги. Высказывая суждение о превосходстве коммунистической идеологии и собственной уверенности в партийном курсе, автор не может полностью принять эту мысль. Заявляя об изме-

нении собственного мировоззрения, Е.С. Гинзбург одновременно не может полностью преодолеть свои заблуждения. Евгения Гинзбург выступает как писатель-идеолог, для которого важно привнесение в текст определённой идеологии. При этом сомнения живут в глубине личности писателя-идеолога, независимо от его желания, на подсознательном уровне. Эти сомнения, эта осцилляция вызывают формирование в тексте "противосмысла". Средством выражения "противосмысла", независимо от автора, становится язык произведения. Выражение наиболее важных, несущих идейную нагрузку мыслей становится излишне многословным, наполняется банальными фразами, канцеляризмами. Приобретают новые значения в процессе повествования некоторые лексические единицы. То, что осцилляция неощутима для самой писательницы, очень важно для содержательного, идейного и эмоционального планов повествования. Она ощутима для читателя, начинающего воспринимать более глубокие смысловые пласты повествования, которые автор даже и не стремился формировать сознательно. Усложняется, углубляется художественная составляющая текста.

Цель статьи – рассмотреть представленную в смысловой структуре произведения осцилляцию – колебания между двумя исключаящими друг друга авторскими позициями.

Мы углубимся в суть смысловых противоречий, смысловых позиций, которые занимает автор в произведении. Будут рассмотрены сомнения, которые обязательно живут в глубинах личности писателя-идеолога, как бы ни был он уверен в истинности взглядов, которые стремится внедрить в читательское сознание. Из таких сомнений рождается "противосмысл", который и входит в текст за спиной автора-идеолога. Эти идеи развивал В. Шмид, анализируя роман Ф.М. Достоевского в статье "Братья Карамазовы" – надрыв автора, или Роман о двух концах" [Шмид 1998]. На положения В. Шмида мы и будем опираться.

В. Шмид характеризует надрыв автора в анализируемом им тексте как "нравственное насилие человека над самим собой, над присущей ему склонностью, насильственный, неаутентичный идеализм, желаемое, но не совсем удающееся преодоление самого себя, своего слабого "я"" [Шмид 1998: 178]. Рассматривая книгу Е.С. Гинзбург, образ автора в ней, авторские сомнения и терзания, мы видим, что характеристика В. Шмида вполне может быть отнесена и к этому произведению, в частности, к образу автора, воплощаемому Евгенией Гинзбург.

Во-первых, мы видим в "Крутом маршруте" "неаутентичный идеализм", проявляющийся в стремлении автора прославлять и восхвалять коммунистическую партию и коммунистическую идеологию. Если допустить, что основная причина данной идеологической линии – желание автора выполнить цензурные требования, сделать произведение соответствующим официальной политике 60-х годов прошлого века, когда писательницей планировалось её опубликование в официальной печати, то в этом искусственном идеализме мы закономерно увидим "нравственное насилие человека над самим собой". Какое было Е.С. Гинзбург, прошедшей через муки следствия, тюремного заключения, лагерей, ограничений в правах, в полной мере познавшей страшную суть сталинизма, убедившейся в несоответствии коммунистической идеологии принципам гуманизма, восхвалять и оправдывать линию партии в таких, к примеру, словах: "Но никакие выюги не могли потушить ту самую свечу, которую моё поколение приняло как тайный дар от нами же раскритикованных мудрецов и поэтов начала века"? И всё же ей было необходимо писать книгу именно так – оправдывая курс партии и превознося всё, с нею связанное. Всё, кроме Сталина. В порицании этого исторического деятеля, допустимом с позиций цензуры тех лет и совпадающим с официальным политическим курсом, Евгения Гинзбург может быть самой собой, может быть естественной, писать правдиво: "...Чувствовала смутно, ещё не

зная этого точно, что вдохновителем всего происходящего в нашей партии кошмара является именно Сталин". Такие мысли Евгении Гинзбург можно высказывать без "нравственного насилия" над собой, и она это делает с удовольствием, снова и снова возвращаясь на страницах книги к образу Сталина. К примеру, Е.С. Гинзбург с недоумением описывает обожествление Сталина окружающими: "Рядом со мной шёл Федор Гладков, уже тогда старик. Надо было видеть религиозный восторг на его лице, когда он взглядывал на Сталина".

Именно Сталин был признан виновником репрессий периода культа личности в докладе Н.С. Хрущёва "О культе личности и его последствиях", прозвучавшем 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС, и в последующих выступлениях по этому поводу. Отношение Гинзбург к Сталину как к "вдохновителю кошмара" совпадало с официальным партийным курсом. Прославление же партии было тем элементом идеологического строя текста, создание которого для писательницы было связано с "надрывом".

Надрыв проявляется также тогда, когда Е.С. Гинзбург описывает в книге воспоминаний "желаемое, но не совсем удающееся преодоление самого себя" [Шмид 1998: 178]. То несовпадение позиций молодой и пожилой рассказчиц, которое мы видели в первой и второй частях книги и описали в предыдущей главе, и есть следствие данного явления. Отношение автора к собственной личности и к тем изменениям, которые происходят в ней со временем, исключительно противоречивое. С одной стороны, Гинзбург понимает, что не могла не измениться под влиянием ужасающих событий, произошедших в её жизни, начиная с 1937 года и даже двумя годами ранее. Она желает данных изменений, так как только они могут позволить ей остаться адекватной, не сойти с ума. Но преодолению самой себя, своих противоречий, столь желаемому для автора, препятствует впитанная с детства, закреплённая воспитанием и образованием коммунистическая идеология. В результате преодоление происходит с огромным трудом, через невероятные нравственные, логические, ментальные трудности. С другой стороны, писательница понимает, что отражать в полной мере на страницах книги изменения, происходящие с её личностью, нельзя, это не соответствовало бы требованиям цензуры. Такие противоречия не могли не отразиться на смысловых планах произведения, не могли не стимулировать появление того самого "противосмысла", о котором говорит В. Шмид.

В первой части книги мы видим, как Е.С. Гинзбург сама настраивает себя на позитивное по отношению к коммунистической партии повествование. Она старательно "подавляет свои сомнения, преодолевает свое неверие" [Шмид 1998: 178]. Если у героев Ф.М. Достоевского мы видим духовные метания по отношению к религии, то в

мировоззрении Е.С. Гинзбург место предмета религиозных сомнений, веры и неверия занимает партия, её идеология и политика. Такое замещение вполне естественно для представителей поколения, сформировавшегося в первые десятилетия существования нового советского государства. И, при всех различиях, две эти данности – религия и коммунистическая идеология – имеют больше сходства, чем различия. По крайней мере, в сфере влияния на разум и чувства людей.

Мы видим в смысловой структуре "Крутого маршрута" проявление мысли Вольфа Шмида об осцилляции, характеризующей исследователем как "колебание между двумя исключаящими друг друга смысловыми позициями" [Шмид 1998: 195]. Писатель-идеолог не может быть полностью уверен в истинности своих взглядов, а в случае Е.С. Гинзбург такой уверенности не может быть в принципе, так как она, даже в начале всего произведения не была полностью предана провозглашаемой ею на словах коммунистической идеологии. То есть в произведении изначально заложены две взаимоисключающие позиции – верного сторонника коммунистической партии, каковым выступает автор в начале первой части, и умудрённого жизнью, много познавшего сторонника совсем иных взглядов, каковой мы видим Евгению Семёнову в части третьей.

Рассматривая роман Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы", В Шмид говорит о колебании "между замышляющим определенный смысл субъектом произведения и его подсознательным антагонистом, т. е. между теми двумя образами, в которых тут проявляет себя абстрактный автор" [Шмид 1998: 195]. Для В. Шмида при выборе термина "осцилляция" важно то, что он обозначает колебание именно между позициями, находящимися на разных полюсах, в результате чего "изображаемый мир отражает во многих мотивах раздвоенность" [Там же]. В книге Е.С. Гинзбург две позиции, которые характерны для автора, именно кардинально противоположны, свойственны двум исключаящим друг друга идеологическим полюсам. Соединение их без отражения данного совмещения в смысловой, идейной и языковой структуре текста невозможно.

Для нас важна непреднамеренность осцилляции, существование её на подсознательном уровне, то, что осцилляция происходит "от невольного раздвоения автора, автора надрывающегося и насильственно вытесняющего одну сторону, одну стихию своего противоречивого мышления. Е.С. Гинзбург сама не видит этого раздвоения, она просто и, как ей кажется, искренне, повествует о свершившихся в её жизни событиях. Но для читателя осцилляция вполне ощутима, хотя и неясна. Это ощущение двойственности, неестественности. Например, одна Е.С. Гинзбург не сомневается в праве партии на любые обвинения, даже нелепые: "Это было фантастично, невероят-

но, но об этом было напечатано в "Правде" – значит, сомнений быть не могло"; вторая начинает сомневаться в правдивости каждого слова партийной прессы, сама боясь своих сомнений, и постепенно колеблется всё больше. Искренна ли Е.С. Гинзбург, когда заявляет о своём полном приятии курса партии в период, предшествующий аресту: "Ни тени сомнения в правильности партийной линии у меня не было"? Очевидно, что полной искренности здесь быть не может. Однако именно этот напор, это постоянное желание автора подчеркнуть свою невиновность, показать себя "настоящим коммунистом" и становится звеном, приводящим к появлению "противосмысла". Для читателя, понимающего сложность смысловой сферы личности, очевидна невозможность такой простоты и элементарности в ней.

Формируемый в смысловой сфере книги "противосмысл" получает языковое, стилистическое, вербальное выражение.

Можно заметить речевые штампы, а также канцелярскую и даже канцелярско-стенографическую стилистику, присущую некоторым описаниям происходящего: "Всё более свинцовыми тучами затягивался политический небосклон. Шли процессы. Процесс Зиновьева – Каменева. Кемеровское дело. Процесс Радека – Пятакова". Независимо от автора, такие текстовые элементы появляются тогда, когда находит вербальное выражение "противосмысл" – параллельная авторской смысловая позиция. Е.С. Гинзбург стремится наиболее точно описать происходившее в стране, но выбирает для этого не совсем подходящие языковые элементы – речевые штампы (свинцовыми тучами) канцеляризмы (политический небосклон), стенографическую краткость. Возможно, таким образом проявляется неспособность автора к глубинному пониманию ситуации, скрывающаяся за неловкими фразами, собственная беспомощность в попытках осознать и осмыслить происходящее.

Ещё одним примером вербального проявления "противосмысла" в книге является, по нашему мнению, приращенность автора к некоторым лексическим единицам, используемым в своём прямом значении, но начинающим выражать, возможно, сначала без ведома автора, противоположный смысл.

Одна из таких единиц – слово ортодокс и его производное ортодоксальный. В словаре С.И. Ожегова ортодоксальный понимается как "последовательно придерживающийся основ какого-нибудь учения, мировоззрения" [Ожегов 1999: 460]. В книге "Крутой маршрут" есть одно учение, которого могут ортодоксально придерживаться герои, – коммунистическое. Внешне ортодоксальность не является для автора чем-то неприемлемым, осуждаемым, наоборот, в поисках "настоящего коммуниста" Е.С. Гинзбург это качество считает одним

из эталонных, присущих вначале и ей самой. Для ортодокса характерно отсутствие сомнений, в данном случае, в верности партийного курса, а Е.С. Гинзбург, как мы помним, провозглашает себя именно такой в "доарестные" времена. Однако мы видим, как данное качество начинает восприниматься автором в отрицательном смысле, выражаемом не напрямую. Приобретают новые значения в процессе повествования некоторые лексические единицы, как, ортодокс, ортодоксальный. То, что осцилляция неощутима для самой писательницы, очень важно для содержательного, идейного и эмоционального планов повествования. Она ощутима для читателя, начинающего воспринимать более глубокие смысловые пла-

сты повествования, которые автор даже и не стремился формировать сознательно.

Осцилляция делает произведение более привлекательным для читателя – своей глубиной, противоречивостью суждений, динамикой на уровне идейном и смысловом. Отсутствие однозначности не только в трактовках событий, но и в собственных мыслях автора – то свойство текста, которое для читателя является психологически привлекательным. Расширяются границы художественного в тексте, углубляются трактовки происходящего, повышается уровень психологизма, такой важный для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабич, С.С. Противоречия как детерминанты трансформационных изменений внутри смысловой сферы // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2012. № 2. С. 46–50.
2. Гинзбург, Е.С. Крутой маршрут. Хроника времён культа личности. М.: Изд-во АСТ, 2008. С. 715.
3. Ивков, Н.Н. Условия, формы и механизмы динамики смысловой сферы личности // Теоретическая и экспериментальная психология. М.: Психологический институт Российской академии образования, 2016, Т 9, № 3. С. 54–73.
4. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Изд-во Азбуковник, 1999. С. 944.
5. Хрущёв, Н.С. О культе личности и его последствиях // Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС, 1989, № 3. С. 128–170.
6. Шмид, В. "Братья Карамазовы" – надрыв автора, или Роман о двух концах // В. Шмид. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: Изд-во Инапресс, 1998. С. 176–218.

© Ван Линь, (wanglin89@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕКЛАМА

www.impc2018.com
+7 (499) 705-79-25
info@impc2018.com

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC-EXP02018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

